

А. А. ГОРБУНОВА

Два неизвестных частных письма конца XVII в.

(К истории эпистолярного стиля).

Из памятников старины частные письма в музеях, хранилищах и архивах — наиболее редкое явление. Однако ценность этого рода письменных памятников для филологов наиболее велика, так как они доходят до нас в своей первой редакции, без последующих переделок или исправлений, следовательно, точно передают своеобразие стиля и языка автора.

Частные письма обычно точно указывают на адресат и время написания, что тоже очень важно для исследователя.

Для лингвистов и литературоведов такие памятники интересны в том отношении, что «эпистолярные стили, не подвергавшиеся строгой нормализации, отражали сложное и тонкое переплетение в устной и книжной речи того времени старого с новым, своего и чужого (заимствованного)... Несмотря на появление в письмах стилистически инородных речевых средств, они все же были едва ли не копией живой разговорно-бытовой речи того времени».¹

Своеобразие эпистолярного стиля обнаруживается уже в самых ранних памятниках, например в письме «от Гостяты к Васильви» (новгородская берестяная грамота № 9, XI в.). Еще более рельефно характер эпистолярного стиля выявляется в письмах более позднего времени: лексика, синтаксис, морфологический строй их типичны для разговорного русского языка. Памятники эти богаты конкретно-бытовой лексикой и фразеологией, синтаксис свободен от норм книжного языка, не обладает той четкостью, которая была свойственна официальным документам, морфологический строй изобилует формами, свойственными разговорному языку соответствующего времени, возможны диалектные формы. Лишь в известной степени письма содержат элементы книжно-литературного языка, нормы, в какой-то мере уже разошедшиеся с живым разговорным языком. Характерна для писем и своеобразная фразеология, народная в своей основе. В этом отношении чрезвычайно интересны письма протопопа Аввакума.

Своеобразны в письмах и формы обращения, изъявления уважения, порядок изложения содержания письма, подчиняющийся своим, особым нормам. Обычно последовательность изложения в письмах такая:

1. Наименование адресата и лица, от кого письмо: «От Гостяты к Васильви» (XI в.); «От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси Василью Григорьевичю Грязному Ильину» (1574 г.); «Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси бедной холоп твой полоняник Васюкъ Грязной плачетца» (1576 г.); «Государыне моей

---

¹ А. И. Ефимов История русского литературного языка (Курс лекций) Изд МГУ, 1954, стр 137

свету тетушке княгине Домне Богдановне Борисова дочь Федоровичя Годунова челомъ бьет» (1609 г.); «Государю моему Семену Тимофеевичю Ивашко Милославской челом бью»; «Государю моему и другу сердешному, Ивану Семеновичю, женишка твоя, Дуняшка, премного челом бьет» (из писем, обнаруженных в музее г. Молотова).

2. Затем идет пожелание здоровья и просьба сообщить о здоровье адресата: «Буди, государыня, здорова на многие лета» (из письма Ксении Годуновой к тетке); «Пожалуй, государыня, пиши ко мне о своем здоровье...» (там же); «Пожалуй, государь, прикажи ко мне писать о своем многолетном здорове, а я, государь, твоиво здорovia слышать усердно желаю» (из письма Милославского); «Здравствуй друг сердешной, Иван Семенович, на множество летъ... А ко мне, друг мой, извол писать о своем многолетнем здорове, чего я о твоём благоздравии по вся часы слышати с усердием желаю...» (из письма неизвестной боярыни к мужу).

3. Затем уже обычно следует сообщение о своем здоровье, месте нахождения, жизни, службе: «А про меня похочешь ведати, и я у живоначальные Троицы, в осаде, марта по 29 день» (из письма Ксении Годуновой); «А изволишь, государь, про меня ведать, и я на службе великого государя... в Астарахани...» (из письма Милославского); «А про меня, друг мой, Иван Семенович, изволишь ведать: и я на Москве з детьми...» (из письма неизвестной боярыни к мужу).

4. После этого идет изложение просьбы, сообщение о деле или описание тех или других событий: «Прошу, государь, приятства твоиво к себе, пожалуй побереги Арзамаских моих крестьянишок...» (из письма Милославского).

5. И, наконец, заключение, в котором снова выражается уважение, «челобитье» адресату, пожелание здоровья: «Потом тебе, государю моему, много челом бью» (из письма Милославского); «А аз тебе, государыне своей, много челом бью» (из письма Ксении Годуновой).

Эпистолярный стиль наиболее яркое выражение получил в памятниках XVI—XVII вв. Ряд интереснейших писем и посланий как по содержанию, так и по языку (письма Сильвестра Медведева, послания Максиму Греку и митрополиту Даниилу Федора Карпова, послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Козьме, переписка Ивана Грозного с князем Курбским, с Василием Грязным и др.) свидетельствует об интенсивном развитии эпистолярного стиля в XVI в.

XVII век менее богат памятниками эпистолярного стиля. К ним прежде всего следует отнести замечательные по своим языковым особенностям письма протопopa Аввакума к царю Алексею Михайловичу, боярыням Морозовой, Урусовой, Даниловой, попу Исидору и др. Надо отметить также письма боярыни Морозовой Аввакуму, письма дьякона Федора и др.

С этой точки зрения не лишены интереса два частных письма, по нашему мнению, конца XVII в., обнаруженные в краеведческом музее г. Молотова: письмо Милославского своему другу Семену Тимофеевичу Булгакову и письмо неизвестной боярыни к мужу в Азов.²

* *

*

История двух обнаруженных в музее писем совершенно неизвестна, находились они среди множества других свитков, писанных тоже скорописью.

² Предположение о том, что письмо написано от боярыни, подтверждается следующими строками: «Да я же к тебе, друг мой, хотела боло написать, что некоторыя меня боярони посещают, да велела почернить». Во всяком случае, автор письма — безусловно женщина из высшего сословия того времени.

По-видимому, оба письма некогда были зарегистрированы каждое за своим номером, так как на оборотной стороне одного (письмо Милославского) одним и тем же почерком (черными чернилами, но уже довольно выцветшими) написано: «Просительное письмо», а ниже — «№ 8»; на другом: «Партикулярное письмо», ниже — «№ 33».

Первое письмо сохранилось довольно хорошо, никаких изъянов, кроме двух водяных пятен, на письме нет. Бумага тонкая, довольно плотная, желтоватого цвета. Филигрань представляет собой нижнюю часть кувшинчика, под ней три едва различимые латинские буквы. Написано письмо великорусской скорописью.

Второе письмо сохранилось очень плохо, во многих местах оно порвано, весь первый сстав наклеен на толстую старинную бумагу. Письмо написано на двух сставах. Первый из них сохранился несколько лучше второго, более желтого цвета. На бумаге верхняя часть амстердамского герба (два льва, держащих щит, на котором три косых креста), а именно корона. На втором сставе тоже самая верхняя часть фигурной филигрании, так называемый знак «Pro patria».

Письмо написано черными, хорошо сохранившимися чернилами, великорусской скорописью. Письмо, по-видимому, без конца: так как в нем нет традиционной концовки, пожелания здоровья и челобитья.

После выяснения некоторых обстоятельств, связанных с письмами, перед нами встал вопрос о необходимости выяснить более или менее точно год написания писем, так как прямых указаний на это в письмах нет, и по возможности уточнить сведения об авторах и адресатах писем.

В «Просительном письме» указывается адресат и автор письма: «Государю моему, Семену Тимофеевичю, Ивашко Милославской челом бью». Но какой именно это Иван Милославский: Иван Михайлович, возглавлявший борьбу Милославских против Нарышкиных за возведение на престол царевича Ивана (сына Алексея Михайловича и М. Милославской), активный участник стрелецкого бунта (умерший в 1685 г.), или Иван Богданович Милославский, симбирский окольный и воевода?

Из письма явствует, что автор письма был 5 ноября неизвестного года под Астраханью «на службе великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича». Это дало нам возможность решить вопрос в пользу Ивана Богдановича Милославского, так как известно, что именно он был послан Алексеем Михайловичем в Астрахань на окончательное подавление народного волнения, возглавляемого Степаном Разиным.

К концу августа 1671 г. суда «с государевыми людьми» и воеводою Иваном Богдановичем Милославским подошли к Астрахани. К этому времени в Астрахани находились лишь остатки войска Степана Разина, возглавляемые Федором Шелудяком, сам же Степан Разин был уже казнен (6 июня 1671 г.). Три месяца стоял Милославский под Астраханью. На помощь ему пришел черкесский князь Каспулат Муцалович и осадил Астрахань с другой стороны. В городе начались волнения, а в лагере разинцев — раскол, усилившийся после пленения Федора Шелудяка черкесским князем. Наконец, 26 ноября разинцы сдались Милославскому, Астрахань была взята. В эти дни, полные волнений для астраханцев, Иван Богданович Милославский не забывал о своих личных делах. «... пожалуй, побереги арзамаских моих крестьянишюк...», — писал он своему другу Булгакову.

Его беспокойство за сохранение «крестьянишюк» вызывалось свежими воспоминаниями о крестьянских волнениях, охвативших большую часть территории тогдашней России, в том числе и Арзамас, о массовом бегстве крестьян на Дон, Урал, в заволжские степи.

Так решается вопрос об авторе и годе написания «Просительного письма».

«Партикулярное письмо» как по содержанию, так и по своим языковым чертам более интересно. Нам не удалось установить, от кого оно и кому адресовано. На оборотной стороне лишь написано: «Другу моему Ивану Семеновичю».

Год написания письма, исходя из ряда косвенных дат, примерно можно установить. Из письма видно, что адресат находился на службе «великого государя» в Азове, следовательно, это могло быть только при Петре Первом, в конце XVII в., в период Азовских походов. Как известно, во время Азовского сидения (1641 г.) у царя Михаила Федоровича не только никого не было на службе под Азовом, но он даже отказался принять от казаков отбитый у турок Азов и присоединить его к России. «Повесть об Азовском осадном сидении» раскрывает беспримерный героизм донских казаков и полный драматизма исторический факт. Значит, письмо не могло быть написано в этот период. Кроме того, и язык, и тип скорописи свидетельствуют о более позднем его написании.

Жена пишет: «Хотя б тебе со мною в полтора года на одинъ час видяться»; значит, муж был в отсутствии уже полтора года. Когда же он мог выехать из Москвы? Мы полагаем, что это могло произойти весной 1695 г. (в начале марта), когда он мог выехать вместе с авангардом русской армии. К 6 октября (дата написания письма жены к мужу) примерно и истекло полтора года с момента выхода армии из Москвы. Следовательно, это был уже 1696 г.

В конце марта 1696 г. азовская армия была сосредоточена в Воронеже, где спешно формировался и русский флот. 27 мая русский флот вышел в море, отбросил турецкий флот и блокировал Азов с моря. В это время русская армия осадила крепость Азов с суши. Соединенными усилиями армии и флота 18 июля Азов был взят. В письме указывается, что последнее письмо от мужа было получено 2 октября, а написано оно было 28 августа. Если допустить, что адресат действительно вышел из Москвы в марте 1695 г., то можно предположить и то, что он был участником штурма крепости, а после ее взятия оставался еще в ней. На это же может указывать и та часть письма, где сообщается о посылке трав и денег адресату: «... и те деньги пятьдесят рублей и дватцать рублей, которыя даны для всякаго опасения, положены с травами в коробку». Травы, конечно, могли быть только лекарственные, следовательно, адресат в них нуждался.

Все наши предположения могут быть приняты в связи с тем, что в период Азовских походов Петром Первым было мобилизовано огромное количество людей как из крестьян, так и из высшего сословия того времени. Адресат, по-видимому, был далеко не простым человеком, так как иначе едва ли бы стали навещать жену в его отсутствие московские боярыни.

Прилагаем тексты обоих писем, сохраняя их названия, записанные на обороте.

Просительное письмо

Государю моему Семену Тимофеевичу Ивашко Милославской челом бью. Пожалуй, государь, прикажи ко мне писать о своем многолетнем здорове, а я, государь, твоиво здорovia слышать усердно желаю. А изволишь, государь, про меня ведать, и я на службе великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца в Астарахани ноября в 5 день жив, доволи творца моиво. А в предтекущая время он же создавый имя весть. Прошу, госу-

дарь, приятства твоиво к себе: пожалуй, побереги арзамаских моих крестьянишок села Рожественнова да села Инчазина. А я в том на тебя надежен. Потом тебе, государю моему, много челом бью.

На оборотной стороне свитка написано:

Государю моему Семену Тимофеевичю Булгакову.

Партикулярное письмо

Государю моему и другу сердешному, Ивану Семеновичю, женишка твоя, Дуняшка, премного челом бьет. Здравствуй друг сердешной, Иван Семенович, на множество лет в милости божией. А ко мне, друг мой, извол писать о своем многолетнем здорове, чего я о твоём благоздравии по вся часы слышати с усердием желаю и з детьми. А про меня, друг мой, Иван Семенович, изволишь ведать: и я на Москве з детьми с Катюшкой и с Парашенькою октября по 6-е число в добром здорове. Челом бью, друг мой, нам ласки твоей — что пожаловал изволил отписать ко мне о своем здорове, и я услыша о твоём здорovie и з детьми с Катюшкой и с Парашенькою обрадовались и о твоём здорове молим господа бога. Грамотка ко мне с почетою пришла, что писана в Азове августа 28-го числа, а к Москве пришла октября 2-го числа. А в той твоей грамотке написано, будто я без тебя гораздо печалюсь без рассудку и лежала. И я, друг мой, ей-ей, не печалюсь и в добром здорovie. Как ты, друг мой, и в Азов поехал ни одна не леживала и ныне в добром здорovie. Да изволил ты, друг мой, ко мне писать, что тебе великое сомнение припало, что я к тебе преж сего в грамотке писала: хотя б тебе со мною в полтора года на один час видяться. А для того писала, что давно с тобою, другом своим, не видалась. И то я к тебе, друг мой, писала в добром здорovie. Да я же к тебе, друг мой, хотела боло написать, что котория меня боярони посещают, да велела почернить. И я для того хотела написать, котория казаки, котория привезли к Москве немцов: казачей капитан Афонасей Смирной с товарищи, и те казаки посланы в Азов, и я с ним Афонасем Смирным послала к тебе, друг мой, грамотку. Дети, Катюшка и Парашенька, имянинные послали к тебе, друг мой: вместо имяниннова калача Катюшка колечко золотое, а Парашенька платочик. Колечко Катюшкино изволь на ручке своей носить на здорovie, а Парашенькиным платочком изволь утиратца на здорovie. А по указу великого государя да управит государь путь твой к Москве. Василей Ертаулов по се число к Москве не бывал. А ты, друг мой, писал ко мне, что будут вскоре после Покрова боярина князя Алексея Петровича человек ево. Яков Микулаев к Москве приехал и грамотку отдал, а в той твоей грамотке написано о денгах, что только денег привезено с Москвы 50 рублей. А надобно денег 70 рублей с лишком. И марта в 9 день послано к тебе, друг мой, с Лазоревым да с Васильем Ертауловым пятьдесят рублей. И тех денег ни на какую державу держать не велено. Им же дано на дорогу лошедям на корм 20 рублей, им же дано еще 20 рублей для всякого опасения.*¹ для роспутия и на отуда ру * и те деньги пятьдесят рублей и дватцать рублей, котория даны для всякого опасения, положены с травами в коробку. И ту коробку замкнула и запечатала изумрудным перснем. И те деньги им я, как клала в коробку, Лазореву и Ертаулову сказывала, и о том к тебе преж сего писала. А кормовых дватцать рублей отдала им.

На оборотной стороне письма

Другу моему Ивану Семеновичю.

¹ Здесь стоит значок (крыж), по-видимому, произошла при письме ошибка в порядке слов, так как далее имеется такой же значок.